Настасья
Реньжина

ПОТЕРЯЛ СТАРИК КОРОВУ

Когда память
единственный дом

Настасья Реньжина

Потерял старик корову

Серия «Окно в Россию»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74692201
Реньжина Настасья. ПОТЕРЯЛ СТАРИК КОРОВУ: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-256691-2

Аннотация

Деревня Новинки исчезает с карт. Дома рушатся, поля зарастают лесом, связь не ловит. Остался один житель – старик, который помнит, какой была жизнь, когда здесь звучали голоса, работали руки, билось сердце русской земли.

С ним рядом – последняя живая душа, корова Марта. Последний смысл вставать по утрам. И вот однажды корова пропадает.

Старик отправляется на поиски. Каждый шаг по пустой деревне возвращает его в прошлое, но чем дольше в него всматриваешься, тем больнее от того, что былое не вернуть.

Реньжина Настасья
Потерял старик корову

© Н. Реньжина, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026
Иллюстрации Е. Тёрина

* * *

Потерял старик корову. Выпустил ее с утра пастись, а к вечеру не дождался.

Теперь сидел на щербатом крыльце, скинув стоптанные калоши, вытянув иссохшие ноги в разных носках, красном и черном с дырой на самом видном месте – какие нашлись под рукой. Курил трубку, пуская терпкий дым в седые усы, и вглядывался в пыльную дорогу, усыпанную мелким известняком. Им когда-то деревенское хулиганье выцарапывало каракули на деревянных заборах. Рисовалось плохо, скорее – корябалось, а из дома, бывало, выбегала пышнотелая теть Фиса, чтобы тоже пышно, округло окатить улицу громким: «А ну брысь, чертенята!» Дети хохотали, разбегались врассыпную, что тараканы, – не поймать. Теть Фиса стегала воздух мокрым полотенцем. Какой-нибудь мальчишка посмелее показывал теть Фисе язык. И все свидетели этого хулиганства знали: сегодня смельчака отхлещут за грубость, поста-

вят в угол или ухо крутанут. У каждого свои воспитательные методы, но наказание неминуемо, потому что теть Фиса так это дело не оставит. Придет к родителям языкастого и со слезами, стекающими по дрожащим щекам и подбородку, станет долго и нудно жаловаться, пока не увидит, как отец мальчишки достает армейский ремень.

Нет давно дома теть Фисы. Нет и ее самой. И дети больше не рисуют на заборах, потому что нет в Новинках детей. И заборов почти не осталось: попадали, сгнили, пропали в зарослях борщевика, превратившись в труху и ржавые, словно окровавленные, гвозди.

Корова пропала.

Старик прислушался – не звенит ли колокольчик, сообщая о возвращении Марты. Не звенит. Тишина.

Он попытался воскресить в памяти звучание Мартиного колокольчика. Вдруг понял, что забыл. Внутри похолодело. Что, если корова потому и не идет – обиделась, ушла неведомо куда, затаилась и молчит, боясь случайно звякнуть?

У новинкинских коровьих колокольчиков всегда было два перезвона. Первый – глухой, утробный, словно эхо колокола с церкви Илии Пророка, уменьшенное раз в пятьдесят. Того колокола, что сбили, утащили и переплавили в безумные времена, когда рушили храмы в округе. Говорят, белые руины до сих пор торчат на той стороне, за рекой, возле кладбища, прячутся в кустах, боясь, как бы и их не растащили по

кирпичику. Старик не знает – так оно или нет. Раньше не интересовался, теперь не дойти, не посмотреть – ноги не донесут. Он не помнил, как вместе с колоколом отнимали у жителей веру: запрещали иконы, отговаривали от Бога. Церкви крушили, деревянные – жгли. Но помнил, как веру «вернули», как заполнялись иконами красные углы, как возили крестить детей в соседнюю область, где чудом уцелел храм. Помнил, как все чаще морщинистые руки старух складывались в троеперстие, как шепот молитв вновь пополз по избам. Все вернулось… кроме церкви Илии Пророка. Колька-агрегат говорил, что в райцентре недавно отстроили новый храм – красивый, деревянный. Только старику дела до него теперь нет. Нечего ему в райцентре искать.

Второй звон новинкинских колокольчиков – тонкий, серебристый, слышный за версту. Поначалу кажется, что комар рядом зудит. Пытаешься прогнать назойливое жужжание, вытряхнуть из головы – не получится, хоть по уху бей, хоть на одной ноге скачи. Но чем ближе корова, тем приятнее звон, тем меньше хочется от него избавиться.

А как ладно звоны коровьих колокольчиков перекликались! Словно разложенная на два голоса мелодия, что громче всего звучала в семь утра и в шесть вечера, когда коровы, собираясь в стадо, шли на выпас и когда возвращались с него. Стоишь, бывало, у края поля или у дороги, ждешь свою Буренку, Босулю, Красулю, Марту, глаза закроешь и слушаешь приятную сердцу музыку. Новые и новые голоса присо-

единяются к мелодии, она растет, крепнет, и вот кульминация, когда собирается целый хор, который пастух уводит из деревни на дальний луг. Некоторые колокольчики звенели так громко, что их было слышно в Новинках целый день.

Всего два звона. Какой из них у Марты – старик не помнил. В правом ухе гудело низко, в левом – тонко. Старик замотал головой, окончательно запутавшись в коровьих перезвонах. А раньше мог по одному звуку различить, где идет его корова – с левого края стада, с правого или вовсе посередине. Сам же колокольчик для коровы выбирал, сам вешал на ее шею, сам чуть ли не каждый день начищал до блеска, вызывая усмешки односельчан: «Выдумал же себе работку! Наша корова и без блестящего колокола неплохо обходится!»

Марте какой звон выбрал – тонкий или низкий? Если вспомнит, вернется ли корова?

Старик тешил себя мыслью, что Марта ушла на дальний луг, оттого ее не видно, не слышно. Но в его семьдесят пять теперь любой луг – дальний. Он давно не отходит от дома. Что вправо, что влево, все одно: черные перекошенные дома, пустые окна, борщевик, вместо колючей проволоки отрезавший Новинки от мира. На окраине ржавеет столб, а рядом, рухнув на землю, лежит табличка с полустертым названием – «Новинки». Лежит перечеркнутой стороной вверх, покры-

вается черными пятнами. Нет больше Новинок. Тоскливо. И ноги не ходят. Косточки на обеих ступнях выпирают, отчего даже в галошах тесно, резина давит, вынуждая разуться. Мышцы на ногах ослабли, будто высохли. До прогулок ли? Когда-то был смысл бродить по деревне: заглядывать к соседям, перекидываться парой слов со знакомыми, с приезжими, заходить за солью, за сахаром, просто так, здороваться, обсуждать погоду, жаловаться на урожаи. Теперь смысла не осталось, как не осталось и соседей, знакомых, приезжих, соли, сахара, урожаев. Одна погода теперь у старика, но и ее не с кем разделить.

И корова.

И та пропала.

Или ушла по старой памяти, убрела на тот луг, на котором некогда паслось деревенское стадо. Из года в год ходила она с другими коровами за деревню. Туда, где между лесом и глубоким оврагом растет самая сочная, самая сладкая трава – с клевером, тимофеевкой, мятликом. Привыкла сливаться в пестрое стадо, мычать, приветствуя «подружек». Разве такое забудешь? Вот и Марта, быть может, вспомнила, заскучала по коровам, отправилась на их общий луг и возвращаться оттуда не спешит.

Так себе придумал старик.

Он и сам иногда тоскует без людей, приходит к заброшенным домам соседей, вызывая в голове их образы, беседует с тенями. Садится на черную, покосившуюся, но чудом уце-

левшую скамейку под окном Меньшовых, закуривает трубку, протягивая спички Федору-старшему.

В семье Меньшовых всех мужчин испокон веков Федорами называли – не запутаешься, если придется окликнуть. Федор Федорович – дед, Федор Федорович – отец, Федор Федорович – сын, Федор Федорович – внук. Рождалось в одном поколении по мальчику, остальные – девчонки, которых всегда звали по-разному, тут-то разгулялась фантазия. Новинкинские пытались делить Федоров Меньшовых на «старшего» и «младшего», но путались, потому как в одно время старших было двое и младших – тоже двое.

Старик Федором-старшим считал своего ровесника, с которым когда-то вместе в школу ходил. Сына его звал Федором-младшим, внука – постреленком, деда – дядь Федором. И никакой путаницы.

Теперь он сидел на скамейке со старшим, остальных представить не мог, лишь воображал, как сосед берет протянутые спички и тоже закуривает. И вот уже дымят на пару – реальный старик и призрачный Федор.

– Как ты, сосед?

– Хорошо, как сам?

– Тоже хорошо. Телевизер смотрел сегодня?

– Не-а. Отключили мне телевизер.

– Как же ты без телевизера?

– Дак привык уж.

Реальный Федор говорил иначе, говорил много, через

слово вставляя матерок, легко рифмуя «мать», «чесать», «драть», «раскудать». Даже компот у него был не простой, а ё… Впрочем, неважно. Реальный Федор никогда не расспрашивал старика о житье-бытье, тем более – о телевизерах, рассказывал о себе монологом, после чего благодарил старика за отличную беседу и звал покурить еще. Но старику трудно было выдумывать монолог призрачного Федора и материться за него, поэтому он нарисовал в голове нового – уж какой получился, и с таким неплохо на прогнившей лавочке посидеть.

«Как он там? – думал старик. – Жив ли? Курит али бросил? Давненько хотел. Все меня обвинял, что блазню его табаком».

Старик порой скучает без людей, без Федора. Вдруг Марта тоже скучает без коров? Старик глянул на часы: раз она по старой памяти ушла на дальний луг, то ровно к шести должна вернуться на вечернюю дойку – режим.

Молока Марта давно не давала.

Может, устала от того, что старик доил ее неумело, без ласки, нетерпеливо дергая за вымя, словно требуя: «Больше! Больше молока! Дай мне больше!»

Хозяйка, бывало, перед дойкой омоет вымя коровы теплой водой, погладит округлые бока, нашептывая доброе, нежное, успокаивающее. Спросит разрешения на дойку, сядет на коротенькую низкую лавочку, сколоченную стариком,

и не торопясь приступит к делу. Ведро наполнится молоком – поблагодарит Марту, одобряюще похлопает по животу, снова омоет вымя и смажет коровьи соски вазелином.

Старик так не умел. Чувствовал себя неловко. Он и за дойку бы не взялся – не мужское, уж тем более – не стариковское дело, но больше некому. Хозяйки нет. Говорят, что от переизбытка молока вымя может лопнуть. Старик не хотел представлять, как это. Хозяйка при жизни упоминала о каком-то мастите, но старик о болячках, тем более коровьих, слушать не любил, потому не запомнил, что это и как лечить. Но сталкиваться с ним не хотел, поэтому начал Марту доить.

Брал железное ведро, накидывал сверху марлю («марлечку», как ласково называла ее хозяйка), чтобы ни грязь, ни сенная труха, ни комары-мошки не попали в молоко, и грубыми мозолистыми руками принимался дергать коровьи титьки. Марта поначалу недовольно мычала, оборачивалась на старика, смотрела огромными глазами, полными укора, словно силясь понять, что этот неумеха вытворяет с ее выменем. Потом начинала брыкаться, стучать задними копытами. Умела бы морщиться – непременно поморщилась бы. А потом привыкла – смирилась. Чувствовала, что ласковой хозяйки больше нет, что старик корову теперь не только кормить – это всегда его забота была, – но и доить будет, и, кажется, приняла свою новую долю. Больше не вздрагивала, не била копытами, терпеливо сносила прикосновения грубых стариковских рук.

Старик надаивал почти целое ведро, нес в дом – это он умел, это он и раньше делал, – процеживал через чистую марлю по банкам, смотрел на молочное богатство и не понимал, что с ним делать: столько ему одному не выпить.

Раньше продавали-раздавали соседям, дачникам. Теперь делиться не с кем. Даже кошки у старика не было, чтоб ее молоком поить. Даже собаки, чтобы ей пятилитровую кастрюлю манной каши на молоке сварить. Была когда-то, Димка еще в школу ходил, Мурка, но кошкин век недолог – она в лес ушла. Собак они с хозяйкой не держали, хотя в Новинках у каждого по Шарику или Тузику, а то и оба сразу. Хозяйке не нравились рвущиеся на цепях псы, жалела она их – всю жизнь взаперти. «Что у них есть? – говорила она. – Будка, цепь да железная миска. Даже не приласкает никто». «А мы будем ласкать», – обещал ей старик, присмотревший у Витьки Долгова хорошенького рыжего щеночка с белым пятном на лбу. «Нет, нет и нет!» – хозяйка стояла на своем. Выпускать же собаку бегать по деревне считала безответственностью, позволить которую себе не могла.

Так и жили без собаки.

Зато с коровой и литрами молока, которые теперь девать некуда.

Первое время старик по привычке взбивал масло, долго, вручную: миксера у него не было, света с недавних пор – тоже. Выливал чуть прокисшее молоко (этого добра у него теперь достаточно) в деревянную ступу и долго-долго крутил в

руках мутовку. Ступу и мутовку смастерил когда-то для хозяйки сам. Масло раскладывал по пакетам, отправлял в морозилку, но перестал, когда свет отключили. Да и один он масла не ест.

Творог пробовал варить, но раньше это была хозяйкина забота, она творожные секреты знала: насколько кислым должно быть молоко, сколько ждать, пока в банке образуется простокваша, сколько воды налить в алюминиевую кастрюлю, как долго и до какой температуры нагревать. Ставила ли хозяйка получившуюся массу под пресс? А что у нее служило прессом? Что-то старик знал: банку, кастрюлю, воду, но всех мелочей припомнить не мог. Без хозяйки творог выходил сопливым и чересчур кислым – до тошноты. Попытался старик два раза его сварить, но оба раза вывалил все, что получилось, в туалетную дырку и бросил творожное дело.

Надоенное молоко теперь оставалось в ведре. Прокисало. И на следующий день старик выливал его под окно, где когда-то хозяйка выращивала цветы, а теперь только жалкие лебеда и пырей чахли, готовые помереть от переизбытка кисломолочного.

Со временем Марта стала давать все меньше и меньше молока: две трети ведра, половину, треть. Старик поначалу радовался: нет излишек – нет проблем. Потом испугался за корову – вдруг заболела. Показал бы ветеринару, да где его найдешь? После закрытия колхоза он одним из первых из Но-

винок уехал.

Целую неделю старик пытался выдавить хоть каплю молока из пустого вымени Марты. Безуспешно. Бросил. Знал он: с коровами такое бывает – срок приходит, стареют, перестают молоко давать. Поступали в деревне с такими «пустыми» всегда одинаково: отправляли на районный мясокомбинат. В Новинках говядины не ели – не в обычае. Корова здесь для молока, для творога, сметаны, масла, сливок. Как есть кормилицу? Для мяса поросят растили и куриц, а коров… нет, коровы не для этого.

Вспомнилось старику, как они с хозяйкой прощались с Босулей. Хорошая была корова, умная. Впрочем, все коровы по-своему умны. Босуля, как и Марта, перестала давать молоко – возраст взял свое. Хозяйка позвонила на мясокомбинат, и на следующий день Босулю вывели из стойла, сняли с нее колокольчик, погрузили в кузов старенького грузовика. Корова оглянулась на хлев и, словно все понимая, заплакала. Крупные слезы катились и катились из огромных коровьих глаз. Старику казалось, что смотрела Босуля на хозяев с укоризной: «Я вам верой и правдой служила, а вы меня на убой?» Он сжал колокольчик так сильно, что неострые медные края впились в ладонь, отвернулся и ушел в пустой хлев. Но и там слышал, как отъезжает машина, как мычит протяжно и жалобно их (уже не их) корова, словно прощаясь с жизнью.

Хозяйка тоже переживала, но не так остро, как старик.

Ходила по осиротевшему хлеву и приговаривала: «Что ж поделать, что ж поделать», – убеждая себя и мужа в том, что они поступили правильно.

Можно было и про Марту позвонить. Попросить у Кольки-агрегата, чтоб помог: нашел, куда сбыть, на чем сбыть. Мало, что ли, в округе мясокомбинатов? Мало скотобоен? Но старику жалко Марту, и себя жалко: никого у него, кроме коровы, не осталось.

Он, если бы его тогда спросили, и Босулю не отдал. Пусть бы доживала коровий век в хлеву. Разве жалко было им лишнее ведро воды и охапку сена для верной кормилицы?

Может, Марта прочла мысли старика, почуяла неладное, испугалась и пропала?

К шести она не пришла.

Старик перед тем, как выйти во двор, чтобы ждать корову на крылечке, глянул на календарь, висевший на стене. Хотел понять, какой сегодня день, словно от этого зависит возвращение Марты: если понедельник, то может и задержаться на лугу, а если среда, то должна прийти пораньше. Все дни смешались. Пятница или воскресенье – какая разница! Календарь прошлогодний, две тысячи четырнадцатого, лишь помогал в месяцах не путаться. Колька-агрегат обещал новый купить, да так и не привез.

Старик вслушивался в звуки деревни, надеясь различить в них приятный уху звон колокольчика. Тонкий, низкий –

любой! С тех пор как все ушли, деревня звучала по-новому. Колокольчик коровы и вздохи старика стали самыми громкими, самыми резкими звуками, чужими в изменившейся деревне.

К новым звукам старик привыкал долго. Старые исчезали постепенно – не уследишь, когда какой пропал. Новые же обрушились разом, заполнив собой образовавшиеся в Новинках пустоты.

Без человеческих голосов стало хорошо, как ни стыдно признаться. Старик, оказывается, никогда не любил ни детского смеха, ни окриков соседей. Про плач и говорить нечего – кому он по душе? А ведь под детский смех, особенно звонкий по весне, старик когда-то мечтал умереть. Все твердил себе: «Главное, не зимой, главное, не зимой, не в этой белой тишине».

Зимой умерла хозяйка.

Не прошлой. Шесть лет назад. Старик пересчитал на пальцах: нет, семь. В этом году уже семь. А ему хотелось уйти весной, не обязательно сразу следом за хозяйкой, хотя такая мысль тоже была, просто весной. Ведь это так обидно: не дожить до первого в году детского смеха. Осенью он приглушенный, через день тонет в дожде. Зимой прячется по домам, лишь в выходные вырываясь на горку, но она далеко, у края деревни. Летом детский смех разъезжается по лагерям, убегает в леса и поля. А вот весной он здесь, рядом, во дворе, врывается в дом со свежим ветерком, со взмывшей вверх

белой занавеской, с криками возвращающихся журавлей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.